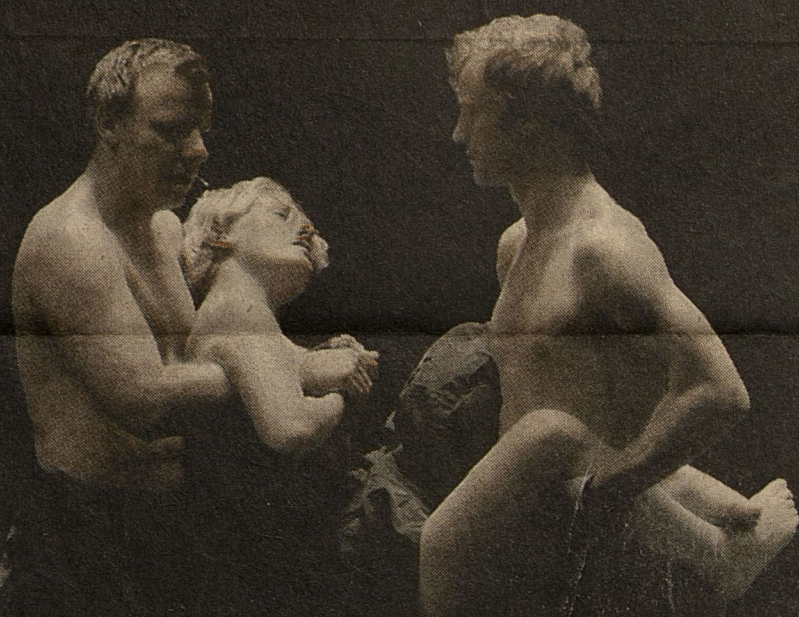

7e

“Чтобы выжить, мне надо убить”

Люк Персеваль — Газете

В «Андромахе» Люка Персеваля Орест (Роналд Кукулис — слева), Пирр (Марк Вачке — справа) и Гермiona (Иван Йансен — в центре) мало напоминают привычных героев расиновской трагедии

Фотограф: Дуглас Робертсон

Газета 2004 19 апр. — с. 20

После спектакля корреспондент Газеты Глеб Ситковский задал режиссеру Люку Персевалю несколько вопросов.

Ролан Барт в своей книге «Расиновский человек» писал, что герои трагедий Расина зажат в узком пространстве между морем и сушей, но не в состоянии покинуть его — что, собственно, и делает их трагическими персонажами. Во время работы над спектаклем вы как-то отталкивались от бартовских соображений? На самом деле мы узнали о том, что Ролан Барт писал про «Андромаху», уже после премьеры, и наша сценография была придумана безо всякой оглядки на книгу Барта. Но я думаю, что он прав. Я не могу сдвинуться с места без того, чтобы не прервать чье-то дыхание. Чтобы выжить, мне надо убить. Это очень животные аспекты человеческого бытия, это очень звериная любовь, забирающая тебя всего без остатка. Во время работы над спектаклем мы стремились к тому, чтобы вызвать у зрителя катарсис. А это означает очень простую вещь — надо воздействовать не на интеллект, а на тела и сердца. Вы когда-нибудь видели, что происходит с людьми,

которые оказываются зажаты в узком пространстве? Они начинают паниковать, потому что понимают, что попали в экстремальную ситуацию. Не знаю, помните ли вы ужасную драму, которая случилась в начале 1980-х годов на бельгийском стадионе? Я был там и видел это. Играл «Ювентус» и «Ливерпуль». Паника овладела людьми, и они умирали в давке.

Несколько лет назад русский режиссер Анатолий Васильев поставил спектакль «Медея-материал», где французская актриса Валери Древилль пребывала почти в полной неподвижности на сцене, и спектакль шел тоже около часа. Васильев, как и вы, считает себя учеником Ежи Гротовского. Наверное, такие параллели не случайны?

Меня это несколько не удивляет. Гротовский совершил колоссальные изменения в театральном искусстве. Он ушел от глобалистского и капиталистического театра совершенно в другом направлении и создал театр, который не стремится вас развлекать. Сегодня все больше и больше режиссеров испытывают влияние Гротовского. Меня радует, что в мире есть режиссеры, которые идут теми же путями, что и я.